

Громогласов И. М. О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства: [Пробная лекция] // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 4. С. 27–49 (2-я пагин.). (Начало.)

О сущности и причинахъ русскаго раскола старообрядства¹⁾.

Русскій расколъ такъ наз. старообрядства, разсматриваемый со стороны внѣшнихъ фактовъ своей первоначальной исторіи, представляетъ явленіе довольно странное и не совсѣмъ понятное на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно указать не въ одной только русской, а и во всей исторіи другое явленіе, столь же неожиданное по своимъ *видимымъ* причинамъ и столь значительное по своимъ послѣдствіямъ въ народной жизни. Нѣсколько опечатокъ, въ сущности весьма не важныхъ, нѣсколько ошибокъ, иногда чисто ореографическихъ (напр. начертаніе имени Спасителя „Исусъ“ вмѣсто „Іисусъ“), сознательно или безсознательно внесенныхъ большею частію лишь за немного лѣтъ предъ тѣмъ въ печатныя богослужебныя книги, нѣсколько церковно-обрядовыхъ подробностей, не имѣющихъ ни дѣйствительной догматической важности, ни безспорнаго авторитета перво-христіанской древности (каковы: двуперстіе при крестномъ знаменіи, сугубая аллилуія и т. под.),—вотъ тѣ *видимые* предметы разногласія, которые по какому-то странному и прискорбному недоразумѣнію „раскололи“ русскій народъ и послужили зерномъ болѣе двухъ вѣковъ продолжающейся глубокой религіозной вражды. Во второй половинѣ XVII в., когда ошибки въ книгахъ и произвольныя измѣненія въ обрядахъ, уже давно обращавшія на себя вниманіе представителей церковной власти, стали особенно замѣтны, умный и энергичный патріархъ Никонъ предпринялъ новое, болѣе исправное изданіе важнѣйшихъ церковно-

¹⁾ Статья эта, съ значительными сокращеніями, была прочитана въ качествѣ пробной лекціи въ Моск. Дух. Академіи.

богослужебныхъ книгъ и сдѣлалъ также нѣкоторыя поправки въ современныхъ церковныхъ обрядахъ. Но противъ этого несомнѣнно полезнаго и вполне законнаго предпріятія возстали—по невѣжеству и неразумію, какъ полагають одни, или по какимъ-нибудь личнымъ счетамъ, какъ думаютъ другіе—нѣсколько человекъ, бывшихъ прежде друзьями Никона, а теперь вдругъ ставшихъ его непримиримыми врагами. Они стали настойчиво утверждать, что Никонъ не исправить хочетъ церковную жизнь, а передѣлать ее всю, „какъ-нибудь, лишь бы не по старому“¹⁾; что его корректура церковныхъ книгъ — не исправленіе, а еретическая порча этихъ книгъ²⁾; распоряженія относительно церковной обрядности—возстаніе на великіе церковные догматы³⁾, а все вообще предпринятое имъ дѣло—такое тяжкое паденіе церкви, какого дотолѣ не представляла исторія христіанства⁴⁾. Воспользовавшись весьма распространенными въ то время мистико-апокалипсическими толками о близости царства антихристового⁵⁾, они говорили, что Никонъ своими „новшествами“ готовитъ путь антихристу, откуда явно, что онъ есть антихристовъ „предотеча“⁶⁾. И вотъ такая-то про-

1) Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. подъ ред. проф. Н. И. Субботина, т. V, стр. 90. М. 1879.

2) Матер. т. V, стр. 121.—„Какъ не бѣда содѣяся въ земли нашей?“—писалъ прот. Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ боярынь Морозовой: *всякъ еретиковъ отъ вѣка ереси собраны въ новыя книги*: духу лукавому напечатали молиться, въ томъ же крещеніи сатаны не отрицаются“ и т. д.,—слѣдуетъ довольно длинный перечень „ересей“, внесенныхъ, будто бы, Никономъ въ богослужебныя книги (см. тамъ же, стр. 186).

3) Матер. т. VI, стр. 199 и мн. др.

4) Матер. т. VI, стр. 64—65.—Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій (Посланіе царю Θεодору Алексѣевичу, писанное изъ Пустозерска) слѣдующими рѣзкими чертами изображаетъ послѣдствія, какія имѣло дѣло Никона для русскоѣ церкви: „Столпы поколебашася навѣтомъ сатаны, патриарси изнемогша, святителие падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша. Увы, погиге благоговѣйный отъ земли и нѣсть исправляющаго въ человекѣхъ“ (Матер. т. V, стр. 156).

5) Въ особенности имѣли значеніе въ этомъ случаѣ замѣчанія Книги о вѣрѣ, гдѣ ожиданіе проишествія антихристового прямо приурочивалось къ оказавшемуся столь важнымъ въ исторіи раскола 1666 году.

6) Матер. т. VI, стр. 264.—„Всякому буди вѣдомо, — говорили расколоты, — яко нѣсть нынѣшнихъ книгъ разумъ исправленія, но отъ вѣры отступленіе, по числу звѣря 666, и ко антихристу присвоеніе“ (Матер. т. VII, стр. 364).

повѣдь, несмотря на всю ея видимую для насъ странность и несообразность, нашла сердечное сочувствіе и живой отголосокъ въ народныхъ массахъ, которыя рѣшились твердо держаться дониконовскихъ книгъ и обрядовъ и ни за что не хотѣли принять „нововводныхъ догматовъ“. Къ этому не могли ихъ принудить ни соборныя клятвы 1667 г. на упорныхъ противниковъ церковныхъ исправленій, канонически закрѣпившія ихъ самовольное отдѣленіе отъ церкви, ни жестокія „градскія казненія“, съ которыми гражданская власть не замедлила придти на помощь церкви, ни разнообразныя стѣсненія гражданскихъ и политическихъ правъ, какими замѣнились эти „казненія“ въ дальнѣйшей исторіи раскола. На церковную анаемую раскольники отвѣтили анаеемою съ своей стороны, на правительственныя преслѣдованія—отрицаніемъ правительства, какъ власти враждебной, по ихъ мнѣнію, истинному христіанству. Отвергнувъ ихъ церковь и гнавшее ихъ государство они объявили царствомъ антихриста,—и къ прежнему отрицанію неважныхъ церковно-обрядовыхъ подробностей: третьей аллилуіи, хожденья противъ солнца и новой печати на просфорахъ присоединилось—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ сектахъ и въ нѣкоторыя наиболѣе тяжелыя эпохи исторіи раскола—отрицаніе почти всего господствующаго церковно-іерархическаго и государственно-общественнаго строя. Такъ, повидимому, изъ-за довольно мелкихъ причинъ и случайныхъ личныхъ недоразумѣній возникъ у насъ расколъ старообрядства,—этотъ, по выраженію современника его возникновенія (царя Алексѣя Михайловича), „куколь душевредный“, засорившій пиву Божію ¹⁾, эта „въ обществѣ гнилая рана, которая ни ѣдкими строгостей пластырьми, каковыя прежде употребляемы были, ни мягкими милосердія средствами, какія нынѣ прилагаются, не пользуется, и не только остается неисцѣльною, но еще претворяется въ черномъ народѣ въ заразу, умножающую ядъ свой въ сердцахъ невѣжливыхъ упрямцевъ“,—какъ отозвался о расколѣ одинъ изъ его православныхъ историковъ ²⁾.

¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 102, стр. 445,—*Щатовъ*, Русскій расколъ старообрядства, стр. 5, Казань 1859.

²⁾ *Андрей Іоанновъ* (Журавлевъ),—Полное историч. извѣстіе о древнихъ строгоньникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, стр. 55. СПб., 1831.

Слѣдя за этою цѣлью внѣшнихъ историческихъ фактовъ, изъ которыхъ сложилась начальная исторія раскола, на первый взглядъ видишь передъ собою какъ будто рядъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ звеньевъ, плохо сомкнутыхъ одно съ другимъ,—рядъ отдѣльныхъ явленій, не связанныхъ тою внутреннею связью логической необходимости, благодаря которой предыдущія событія представляются сознанию, какъ достаточное основаніе послѣдующихъ. Не удивительно поэтому, что при первыхъ попыткахъ уяснить сущность и причины старообрядческаго раскола со стороны изслѣдователей обнаружилось стремленіе (поддержанное, между прочимъ, и полемическою тенденціей) представить расколъ довольно случайнымъ явленіемъ русской жизни, возникшимъ изъ жалкаго недомыслія и мелкихъ личныхъ недоразумѣній. Не видя въ расколѣ ничего кромѣ неразумной борьбы за неприкосновенность книжной опечатки и за неизмѣнность искаженнаго обряда, изслѣдователи-полемисты указывали въ въ объясненіе этой борьбы на воспитанное невѣжествомъ суевѣрное уваженіе русскихъ людей того времени къ буквѣ и обряду, не допускавшее, будто-бы, ни малѣйшихъ перемѣнъ въ современныхъ богослужебныхъ книгахъ и чинахъ, да на личную вражду къ Никону первыхъ вождей раскола за удаленіе ихъ, по вступленіи его на патріаршій престолъ, отъ почетной должности книжныхъ справщиковъ (которую они, будто-бы, занимали при п. Іосифѣ), за несбывшіяся мечты о широкомъ вліяніи на ходъ церковныхъ дѣлъ и т. под. „На расколъ — говоритъ одинъ изъ сторонниковъ этого взгляда—мы должны смотрѣть не иначе, какъ на *естественный плодъ невѣжества и суевѣрія*, развившихся въ нашемъ отечествѣ, какъ извѣстно, съ особенною силою послѣ монгольскаго ига. Невѣжество породило въ народѣ нѣкоторыя ложныя мнѣнія касательно церковной обрядности и произвело церковные беспорядки, которые впоследствии и послужили основаніемъ раскола; а суевѣріе придало этимъ заблужденіямъ значеніе непреложной святыни, ослабивъ въ невѣжественномъ народѣ истинный духъ вѣры и развивъ вмѣсто него слѣпую, не управляемую здравымъ смысломъ, привязанность къ мнимой старинѣ. Привязанность эта особенно возрасла во времена церковныхъ исправленій, которыя предпринимаемы были церковною властію, и стала по-

томъ, такъ сказать, жизненною силою раскола. Такимъ образомъ невѣжество и неразумная (безъ духа истинной вѣры) привязанность нашихъ предковъ временъ послѣ-монгольскихъ къ одной церковной внѣшности—это *источныя* (внутреннія) *причины* появленія въ русской церкви раскола старообрядства, на ряду съ которыми дѣйствовали и другія, второстепенныя ¹⁾. По мнѣнію другихъ изслѣдователей (напр. преосвящ. Макарія, высказанному въ его „Исторіи русскаго раскола“), въ невѣжествѣ первыхъ расколоучителей хотя и заключается одна изъ причинъ ихъ протеста противъ книжныхъ и обрядовыхъ исправленій, но причина *не главная*, „а главная заключается въ *личныхъ отношеніяхъ къ патріарху Никону*. Коломенскій епископъ Павелъ былъ близкимъ родственникомъ Ананіи, въ монашествѣ Антонію, іеромонаху Юнгенскаго Козмодемьянскаго монастыря (въ нынѣшней Казанской губ.), которому, по смерти патріарха Іосифа, выпалъ было жребій изъ числа трехъ кандидатовъ быть его преемникомъ, но который долженъ былъ отказаться отъ этого завиднаго жребія въ угожденіе царю Алексѣю Михайловичу, желавшему видѣть на патріаршемъ престолѣ митрополита новгородскаго Никона. Сынъ Ананіи Иларіонъ, митрополитъ суздальскій, въ мѣрѣ Иванъ Ананьинъ, былъ женатъ на родной сестрѣ Павла, епископа коломенскаго. Павелъ по близости своей епархіи къ Москвѣ и по родству съ Ананіею—Антоніемъ могъ надѣяться на большее значеніе при его патріаршествѣ, нежели при Никоновомъ. Потому какъ Иларіонъ-суздальскій, такъ и Павелъ коломенскій питали глубокую непріязнь противъ Никона. Протопопы Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и ихъ сотоварищи воспылали ненавистью къ Никону за то, что онъ съ безчестіемъ устранилъ всѣхъ ихъ отъ должности справщиковъ ²⁾, доставлявшей имъ столько почету,

¹⁾ *Опоцкий Д.* О причинахъ появленія въ русской церкви раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, стр. 13—14. СІБ., 1861.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ своей „Исторіи русск. раскола“ преосв. Макарій перечисляетъ, въ качествѣ книжныхъ справщиковъ при п. Іосифѣ, всѣхъ видныхъ дѣятелей первоначальной исторіи раскола, каковы: Іоаннъ Нероновъ, ключарь Успенскаго собора, потомъ протопопъ Казанскаго собора въ Москвѣ, Ѳеодоръ—дьяконъ Благовѣщенскаго Московскаго собора, и изъ иногородныхъ: Аввакумъ—протопопъ Юрьевца Повольскаго, Никита (про-

призналъ напечатанныя ими книги неисправными и началъ искоренять тѣ самыя мнѣнія, которыя они первые внесли было въ печатныя книги и надѣялись укоренить въ русской церкви. Не станемъ отвергать,—продолжаетъ тотъ-же историкъ,—что эти люди равно какъ и Павелъ коломенскій, можетъ быть, и убѣждены были, по *жалкому невѣжеству*, въ правости своихъ мнѣній и въ совершенной исправности книгъ церковныхъ, которыя рѣшился исправлять Никонъ; но *личная ненависть* къ Никону воспламенила ихъ слѣпую ревность по вѣрѣ до религіознаго фанатизма и руководила всѣми ихъ дѣйствіями“¹⁾. Итакъ, ненависть и невѣжество—вотъ два начальные источника русскаго раскола. Этотъ взглядъ, представляющій лишь повтореніе сужденія, высказаннаго еще Епифаніемъ Славинецкимъ²⁾, долгое время держался въ нашей историко-полемической литературѣ о расколѣ; до весьма недавняго времени онъ былъ въ ней не только господствующимъ, но даже исключительнымъ, и—можно сказать—остается господствующимъ до сихъ поръ, если судить по стоящему на его сторонѣ большинству лицъ, печатно высказывающихъ у насъ свои сужденія о расколѣ.

Въ какой мѣрѣ представленный взглядъ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности? другими словами: дѣйствительно ли расколъ старообрядства произошелъ оттого, что русскіе люди XVII в. по своему крайнему невѣжеству считали совершенно непозволительнымъ и противнымъ вѣрѣ и благочестію исправленіе явно неисправныхъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, да еще оттого, что противъ виновника

званный пустосвятомъ)—священникъ суздальскій, Логгинъ—протопопъ Муромскій, Даниилъ—протопопъ Костромской и нѣкоторые другіе; къ нимъ же причисляетъ и Стефана Вонифатьева—придворнаго протопопа и духовника царскаго (назв. соч. стр. 125). Впослѣдствіи высокопреосвященный историкъ имѣлъ мужество отказаться (въ Исторіи русск. церкви, т. XI, стр. 126) отъ своего прежняго мнѣнія, допустивши только возможность *вліянія* названныхъ лицъ на дѣла печатнаго двора.

1) *Макарій*, Исторія русск. раскола, стр. 178—179. СПб., 1858.

2) „Си—говоритъ Епифаній о первыхъ расколуучителяхъ—темнымъ умовреднымъ *ненависти* и дебелаго *невѣдѣнія* мракомъ душевредно омрачившися, и мысленныя очеса своя, во еже на свѣтлую исправленій лучю не зрѣти, смеживше..., на первопрестольнаго священноначальника... злокозненнѣ роптати дерзають“ (привед. у преосв. *Макарія*, цит. соч. стр. 179).

этого исправленія востало нѣсколько жалкихъ личностей, по своей душевной низости оказавшихся неспособными поставить великое дѣло церковной правды выше мелочныхъ интересовъ оскорбленнаго самолюбія? Внимательное разсмотрѣніе этихъ предполагаемыхъ причинъ раскола заставляетъ отнестись къ нимъ съ большою осторожностію. И пресловутое русское невѣжество, и личная вражда нѣкоторыхъ къ Никону, безъ сомнѣнія, имѣли непослѣднее значеніе въ первоначальной исторіи раскола; но не въ нихъ главная пружина событій, изъ которыхъ сложилась эта исторія. Что касается первой изъ указанныхъ причинъ, то противъ выдвиганія ея на первый планъ въ настоящемъ случаѣ говорить вся предшествующая исторія церковныхъ книгъ и обрядовъ на Руси. Извѣстно, что дѣло книжнаго и обрядоваго исправленія не было у насъ чѣмъ-то совершенно неизвѣстнымъ до п. Никона. Сознаніе неисправности обрядовъ и книгъ и необходимость исправленія тѣхъ и другихъ нерѣдко высказывалось и во времена предшественниковъ Никона, — высказывалось вполне опредѣленно и рѣшительно представителями власти церковной и гражданской¹⁾ и другими лицами, напр. книжными справщиками въ послѣсловіяхъ изданныхъ ими книгъ²⁾. Длинною цѣпью тянутся на пространствахъ XV—XVII в. постоянныя жалобы на церковно-обрядовыя неисправленія, на книжныя ошибки — „описи, недописи и точки непрямыя“, — и параллельно этимъ жалобамъ идутъ многочисленныя попытки исправить книги, возстановить благочестивые обряды. Если эти попытки вызываютъ иногда противодѣйствіе, то оно выходитъ вовсе не изъ отрицанія въ принципѣ возможности и права церковной власти дѣлать исправленія того, что стало неисправнымъ, а направляется противъ предполагаемой или дѣйствительной неправильности въ выполненіи возможнаго и нуж-

¹⁾ См. Стоглавъ, гл. 5, царск. вопросъ 5-й; митроп. кіевскій Петръ Могила въ предисл. къ изд. имъ Служебнику 1639 г. и къ Требнику 1646 г.; опред. дух. власти по смерти п. Гермогена о служебникѣ, изд. при п. Іовѣ; окружн. грамота п. Филарета объ уставѣ, изд. при п. Гермогенѣ, и проч. (*Макарій*, Ист. р. раск., стр. 133—136).

²⁾ Послѣсловія эти достаточнo извѣстны. См. *Озерскаго*—Выписки изъ старописм. и старопечатн. книгъ, ч. 2, стр. 1—9. М. 1862. Нѣкоторыя изъ нихъ приведены также у *Андрея Іоаннова* (стр. 34—37, 43—50) и *Макарія* (Ист. р. раск. стр. 129—132).

наго дѣла,—противъ ложныхъ пріемовъ исправленія. Обвинялась не церковная власть, которая признавала необходимымъ дѣло исправленія и поручала его тѣмъ или др. лицамъ, а самыя эти лица обвинялись церковною властью, какъ злоупотребившіе ея довѣріемъ и худо выполнившіе—„по своему разуму“, а не „по совѣту соборныя апостольскія церкви и святыхъ отецъ преданію“—возложенное на нихъ великое дѣло ¹⁾. Рѣшительно невозможно понять, почему русскіе люди, именно такъ смотрѣвшіе на дѣло книжнаго и обрядоваго исправленія въ XV—XVII в. до п. Никона, во второй половинѣ XVII в. должны были посмотреть на то же самое дѣло иначе и признать непозволительнымъ то, чтò прежде считалось не только позволительнымъ, но и богоугоднымъ ²⁾. Никакія разсужденія о глубокомъ невѣже-

¹⁾ Когда препод. Максимъ Грекъ, исправляя Триодь, началъ оглашать замѣченныя въ ней ошибки, противъ него раздались укоризны, что онъ „отмѣняетъ слова *по своему произволу*, исправляетъ *по своему разуму*“, и именно за это предполагаемое произвольное искаженіе св. книгъ, а не за исправленіе вообще его осудили какъ „еретика, богодухновенныя книги растлѣвающа, а не правяща“ (*Макарій* Ист. р. раск., стр. 20—21). Если бы во времена пр. Максима у насъ смотрѣли на исправленіе церковныхъ книгъ какъ на дѣло совершенно непозволительное, то Максиму не пришлось бы и начинать исправленія, къ которому онъ приступилъ, какъ извѣстно, по волѣ в. князя и митрополита. Безъ сомнѣнія, горькая участь и тяжелыя преслѣдованія, жертвою которыхъ сдѣлался пр. Максимъ (и послѣ него пр. Діонисій), были дѣломъ человѣческой злобы и невѣжества; однако, нельзя не признать и того, что его исправленія „могли имѣть и дѣйствительно имѣли, какъ и самъ онъ сознается, свои неточности и даже погрѣшности. особ. въ началѣ, по недостаточному изученію имъ славянскаго языка“ (*Макарій*, цит. соч. стр. 21); а потому и возбудженіе противъ сдѣланныхъ имъ измѣненій въ книгахъ имѣетъ и другія основанія, кромѣ личной злобы и невѣжества. Эти двѣ причины только усилили проявленія недовольства и сдѣлали участь препод. Максима особенно тяжелою.

²⁾ Взглядъ русскихъ людей на исправленіе церковныхъ книгъ, какъ на дѣло не только позволительное, но и богоугодное, ясно выраженъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора, который вмѣняетъ въ обязанность „протопопамъ и старѣйшимъ священникомъ и избраннымъ священникомъ со всѣми священниками въ коеждо градѣ во всѣхъ св. церквахъ дозирати... священныхъ книгъ святыхъ евангелій і апостоль и прочихъ святыхъ книгъ ихже соборная церковь пріемлетъ... Которые будутъ святыя книги евангеліе и апостолы и псалтыри и прочая книги въ коеждо церкви обращете неправлены и описливы, и вы бы тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправлявалъ соборне, занеже, священныя правила о томъ запрещаютъ и не повѣдѣваютъ неправленыхъ книгъ въ церковь вносити и по нихъ пѣти“ (гл. 27,

ствѣ русскаго народа не могутъ сдѣлать этой непонятной предполагаемой переѣны болѣе понятною. Народное невѣжество, взятое само по себѣ, насколько обнаруживаетъ вообще излишнее стремленіе къ охраненію старыхъ формъ жизни, настолько же—съ другой стороны—отличается благоговѣйнымъ довѣріемъ къ привычному авторитету и всегда болѣе склонно дѣйствовать по его указкѣ, пассивно повинуюсь начальственнымъ предписаніямъ, чѣмъ вдаваться въ критику этихъ предписаній и протестовать противъ мѣропріятій признанной власти. Такимъ образ., при объясненіи успѣха или неуспѣха реформъ, идущихъ сверху, оно оказывается—если позволительно такъ выразиться—палкою о двухъ концахъ... Не должно забывать и того, что лица, ставшіе вождями раскола при Никонѣ, вовсе не были круглыми невѣждами и во всякомъ случаѣ были не менѣе образованны (разумѣется, по тогдашнему), чѣмъ противники книжныхъ исправленій при Максимѣ Грекѣ, равно какъ и вообще русское общество половины XVII в. едва ли стояло въ этомъ отношеніи ниже, чѣмъ то же общество въ XV—XVI в. ¹⁾).

казанск. изд. 1862 г. стр. 124—125). Стоглавъ предписываетъ также названнымъ лицамъ повсюду имѣть наблюденіе за книжными переписчиками и не допускать продажи и покупки неисправленныхъ книгъ,—отбирать такія книги, править и отдавать въ бѣдныя церкви, и заключаетъ: „и вы бы о веѣхъ тѣхъ предиреченныхъ церковныхъ чинѣхъ и о честныхъ иконахъ и о св. книгахъ и о всемъ о томъ потщилися совершити и исправить елика ваша сила и за то отъ Господа Бога велику мзду воспріимете и отъ благочестиваго царя хвалу и честь и отъ нашего смиренія соборное благословеніе а ото всего народа благодареніе и хваленіе за ваши священническія труды и подвиги“ и т. д. (гл. 28, стр. 126).

¹⁾ Вообще, мысль о глубокомъ невѣжествѣ допетровской Руси, столь рѣшительно и охотно повторявшаяся изслѣдователями добраго стараго времени, съ успѣхами историческихъ изысканій подвергается все большимъ и большимъ ограниченіямъ. Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ подробныя разъясненія относительно этого предмета, мы ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями, заимствуя ихъ изъ актовъ рѣчи проф. А. И. Соболевскаго: „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“. Воспользовавшись для своихъ соображеній различными документами (челобитными, поручными, духовными, обысками и т. под.), а также житіями русскихъ святыхъ XV—XVII в., названный изслѣдователь приходитъ къ слѣд. заключеніямъ о степени распространенія грамотности въ различныхъ классахъ русскаго народа того времени: а) бѣлые священники за время, о которомъ сохранились свѣдѣнія, были поголовно грамотны, и вовсе нѣтъ указаній на существованіе неграмотныхъ дьяконовъ и дьячковъ; большинство чернаго духовенства тоже

Обращаясь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, сохранившимся въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей, мы вполне убѣждаемся, что они не были, дѣйствительно, рѣшительными противниками книжныхъ и обрядовыхъ исправленій и слѣпыми защитниками неизмѣнности того, что находили написаннымъ или напечатаннымъ въ старой книгѣ. Они вѣрили, что „въ церкви Христосъ царствуетъ и не даетъ ей погрѣшать не только въ вѣрѣ и догматахъ вѣры, но и въ малѣйшей частицѣ догматовъ, каноновъ и пѣсней“¹⁾. Но это не мѣшало имъ сознавать, что отдѣльныя лица—перепис-

было грамотно; б) относительно высшаго свѣтскаго класса—бояръ и дѣтей боярскихъ—данныя позволяютъ признать, что болѣе 50% крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ московской Руси въ XVI и XVII в. были грамотны, безразлично—гдѣ бы они ни жили: въ самой ли Москвѣ или на окраинахъ московскаго государства; в) московскіе торговые люди XV—XVII в. если не были грамотны поголовно, то развѣ лишь за небольшими исключениями; г) процентъ грамотныхъ между посадскими людьми едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20, а среди крестьянъ—ниже 15; наконецъ д) среди стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, гдѣ грамотность была наименѣе распространена, все—таки постоянно оказываются грамотные. При такомъ распространеніи грамотности заслуживаетъ еще вниманія и то обстоятельство, что „мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ за простую грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько нибудь высоко цѣнилась. Напротивъ, того, мы имѣемъ рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло. Можно сказать, что въ Москвѣ этого времени не высоко цѣнили даже людей просто „грамотѣ гораздыхъ“, такихъ, которые отлично читали и писали; ихъ сочиненіями, даже важными по содержанію, но написанными „простою рѣчью“, „безъ украшенія“, открыто пренебрегали, и ихъ самихъ называли „невѣждами“. Значеніе придавалось тогда лишь людямъ вполне изучившимъ священное писаніе и святоотеческія творенія и проникшимъ въ ихъ смыслъ, а сверхъ того, свободно владѣвшимъ церковно славянскимъ языкомъ“ (*Соборный*, цит. соч., стр. 12, въ „Отчетѣ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С. Петерб. Унив. за 1891 г.“). Во всемъ этомъ есть, быть можетъ, вѣкоторая доля преувеличенія; но во всякомъ случаѣ гораздо большая доля преувеличенія—только въ другую сторону—заключается въ ходячемъ мнѣніи, что въ указанное время „невѣжество, самое полное невѣжество господствовало въ Московскомъ государствѣ не только между мірянами, но и среди духовенства, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ общества“. Прекрасную характеристику широкой богословской (и не одной только богословской) начитанности книжныхъ русскихъ людей первой половины XVII в. даетъ *А. П. Голубцовъ*,—см. его рѣчь: „Къ характеристикѣ состоянія просвѣщенія на Москвѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія“ (Богосл. Вѣстн. 1892 г., кн. I, стр. 97—106).

¹⁾ Прот. Авакумъ.—Правосл. Собес. 1869 г., т. II, стр. 28.

чики и справщики книгъ—могли допускать болѣе или менѣе значительныя ошибки, требующія исправленій. „Не диво то,—говоритъ дьяконъ Ѳеодоръ—еже и въ старыхъ книгахъ какія описи бывають и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе, и послѣди исправляется отъ искусныхъ мужей. Ово бо опись, ово же превращеніе и премѣненіе книгамъ и догматомъ церковнымъ. За опись бо кую въ книгѣ какой ни есть и погрѣшенное слово не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти; а за превращеніе книгъ старыхъ и догматъ правыхъ измѣненіе подобаетъ всякому христіанину и страдати и умирати, обаче съ разумомъ, испытавъ вещь всякую опасно писаніемъ святыхъ отецъ“¹⁾). Подъ этими разсужденіями, думается намъ, не откажется подписаться и самый православный человѣкъ не только тѣхъ давнихъ временъ, когда они были писаны, но и нашего просвѣщеннаго вѣка. Съумѣли ли вожди раскола и ихъ послѣдователи въ дѣйствительности остаться вѣрными высказанному здѣсь принципу,—это другое дѣло; но несомнѣнно, что принципъ этотъ не былъ чуждъ ихъ сознанию: такъ они говорили и думали, такъ они хотѣли и дѣйствовать.—Еще менѣе можно согласиться съ тѣмъ, что причиною протеста, разросшагося потомъ въ расколъ, была личная вражда первыхъ расколоучителей, къ Никону. Не говоря уже о томъ, что наиболѣе умѣстные въ данномъ случаѣ изъ обычно указываемыхъ мотивовъ этой вражды далеко не подтверж-

¹⁾ Посланіе изъ Пустозерска къ сыну Максиму (Матер. т. VI, стр. 127).—И правда, у того же дьякона Ѳеодора (и у другихъ расколоучителей) мы встрѣчаемъ заявленія и иного рода: что старыя книги „право исправлены и исправленія не требуютъ отъ пьяныхъ философъ, кои возносятся на разумъ Божій, то не такъ, иное не етакъ, сказываютъ; добро намъ всякому житіе свое правити по законѣ Господви, а не книги“ (Метер. т. VI, стр. 42). Но въ подобнаго рода заявленіяхъ, въ виду яснаго разсужденія, приведеннаго въ текстѣ, мы склонны усматривать не рѣшеніе дѣла по существу, а замѣчанія ad hoc,—понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что лучше ужъ примириться съ существующимъ въ книгахъ неважными неисправностями, принимать ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ есть, чѣмъ позволять править эти книги по своему разуму „пьянымъ философамъ, возносящимся на разумъ Божій“. Во всякомъ случаѣ, думающіе иначе должны считаться съ приведеннымъ разсужденіемъ дьякона Ѳеодора и по свѣдѣму примирить его съ общимъ, приписываемымъ первымъ расколоучителямъ, мнѣніемъ относительно книжныхъ исправленій.

даются фактами ¹⁾,—всѣ они слишкомъ недостаточны для объясненія той непоколебимой стойкости, какую обнаруживаютъ противники Никона въ борьбѣ противъ предполагаемыхъ „новшествъ“, и обусловливаемое этими мотивами чувство личнаго оскорбленія нельзя не признать „слишкомъ мелкою чашкою“ для того, чтобы ею можно было исчерпать все—безъ преувеличенія—бездонное море тѣлеснаго и душевнаго страданія, какое выпало, напр., на долю прот. Аввакума (см. его „Житіе“) и др. Оскорбленнаго самолюбія, конечно, вполне достаточно было бы для возбужденія въ изв. лицахъ желанія надѣлать всяческихъ непріятностей лично Никону, но совсѣмъ не достаточно для того, чтобы побудить ихъ произвести церковный мятежъ и—не боясь ни клятвы церковной, ни „градскихъ казней“ съ вырѣзываньемъ языковъ, отрубаньемъ рукъ и сжиганьемъ живьемъ въ срубахъ—рѣшительно отдѣлиться отъ церковнаго единства ²⁾. Еще

¹⁾ Что касается, напр., того, что первые расколуучители были книжными справщиками при п. Іосифѣ и—удаленные отъ этого дѣла Никономъ, признавшимъ ихъ къ исправленію книгъ неспособными, а изданныя ими книги неисправными—вслѣдствіе этого могли стать въ ряды противниковъ новаго исправленія, то „въ настоящее время мнѣніе объ этомъ положительно отвергается наукой. На основаніи прямыхъ указаній въ приходо-расходныхъ записяхъ печатнаго двора доказано, что наши первые расколуучители никогда не были справщиками печатнаго двора. Подтвержденіемъ этого служитъ и прямое свидѣтельство расколуучителя, близко знакомаго съ дѣлами при п. Іосифѣ, благовѣщенскаго придворнаго собора дьякона Феодора, который намѣренно и съ настойчивостью заявляетъ относительно коломен. епископа Павла и протод. Ивана Неронова; „намъ всѣмъ православнымъ христіаномъ по всей русской земли вѣдомо о томъ, яко нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни единия молитвы, ни тронаря новаго, и единого слова развратнаго не вложили они въ старыя книги наши нигдѣ отнюдь, и раскола въ церкви отъ нихъ не бывало никакова, и у книжныя справы на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборшикахъ не бывали: вѣдомо о томъ всей Москвѣ“ (Матер. т. VI, стр. 198—199). Можно считать доказаннымъ и то, что остальные расколуучители не могли имѣть викажого вліянія на книжную іосифовскую справу по той простой причинѣ, что при п. Іосифѣ они не жили въ Москвѣ“ (Прот. П. Николаевскій. Московскій печатный дворъ при п. Никонѣ, — Христ. Чтен. 1891 г., янв.—февр., стр. 149—150; подробнѣе объ этомъ въ ст. проф. Н. О. Каптерева—Патр. Никонъ, какъ церк. реформаторъ;—Прав. Обозр. 1887 г., № 2, стр. 322—329).

²⁾ При рѣшеніи вопроса о роли личнаго самолюбія первыхъ вожей раскола въ ихъ протестѣ противъ „новшествъ“ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, напр., что Аввакуму, его словамъ, давали мѣсто, гдѣ бы онъ захотѣлъ,

непонятнѣе то, какъ могла *личная вражда нѣкоторыхъ* къ Никону превратиться въ горячую, фанатическую *ненависть народныхъ массъ къ дѣлу* Никона и оторвать ихъ отъ церкви.

Въ предыдущихъ замѣчаніяхъ мы старались, между прочимъ, показать, что исправленіе книжныхъ ошибокъ и церковно-обрядовыхъ уклоненій *само по себѣ* не могло имѣть тѣхъ послѣдствій, какія ему иногда приписываются, и что протестъ противъ этихъ исправленій, опять таки разсматриваемыхъ сами по себѣ, не выражаетъ собою дѣйствительной сущности старообрядческаго раскола. Какъ же, однако, должны мы смотрѣть на всѣ эти споры о сугубой аллилуіи и тому подобныхъ предметахъ, наполняющіе собою всю исторію раскола и, по видимому, исчерпывающіе все его содержаніе? Не было ли это просто какой—нибудь маскировкой, при чемъ сугубая аллилуія служила только внѣшнимъ предлогомъ для борьбы, вытекавшей изъ совершенно другихъ основаній, только своего рода ширмами, за которыми скрывались другія, настоящія причины народнаго протеста? Такъ именно и смотреть на дѣло другая группа изслѣдователей старообрядческаго раскола, видящая въ немъ явленіе не столько религіозной, сколько земской и политической жизни русскаго народа. Расколъ, по ихъ мнѣнію, представляетъ историческое явленіе, совершенно, не объяснимое одними религіозными побужденіями, въ родѣ сугубой аллилуіи и т. под. „Здравый смыслъ отказывается вѣрить,—говоритъ одинъ изъ этихъ изслѣдователей — что расколъ, внесшій такую рознь въ среду милліоновъ русскихъ людей, былъ слѣдствіемъ отступленія во второстепенныхъ подробностяхъ религіознаго догматизма и церковной

и въ духовники (царскіе) звали, даже сулили посадить на печатномъ дворѣ книги править (что для Аввакума было „надобно лутче и духовничества“), лишь бы онъ „соединился въ вѣрѣ“. Такое сообщеніе не покажется невѣроятнымъ, если припомнить, что во дворцѣ весьма благоволили къ Аввакуму, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и расположеніемъ. Кажется, удовлетвореніе личнаго самолюбія могло бы быть самое полное,—стоило только отказаться отъ своего упорства и стать въ ряды единомышленниковъ царя и патріарха. Аввакумъ, однако, не сдѣлалъ этого: „азъ же сія вся уметы вмѣнилъ, да Христа пріобрещу, и смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ“ (Матер. т. V, стр. 60 и 65). Очевидно, корень упорства тутъ не въ мелкомъ житейскомъ самолюбіи,

обрядности“, произошелъ оттого что „одни крестились двумя перстами, читали старопечатныя книги, осмиконечный крестъ и пѣли сугубую аллилую, а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе, служеніе по новоисправленнымъ книгамъ, почитаніе четырехконечнаго креста и тройную аллилую“¹⁾. Особенности церковнаго обряда, сдѣлавшіяся отличительною принадлежностію раскола, имѣли для него значеніе не сами по себѣ; онѣ были избраны предводителями раскола только какъ „предлогъ“ какъ „лозунгъ болѣе знакомый, лежавшій ближе къ сердцу ихъ послѣдователямъ“²⁾. Дѣйствительная же причина раскола заключается не здѣсь, а въ томъ разрушеніи старо-русскаго земскаго строя, какимъ сопровождался процессъ собиранія отдѣльныхъ „земель“ въ единое Московское государство и выработка новаго государственнаго строя. Расколъ есть не религіозное, а социально-демократическое движеніе, продуктъ недовольства русскаго земства государственнымъ правительствомъ, которое стягивало всю власть на себя и не слушалось голоса народа. Первый провозвѣстникъ новаго взгляда на расколъ въ нашей литературѣ, г. Щановъ сначала (въ изслѣдованіи: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII“, Казань 1859) высказывается еще довольно умѣренно: не игнорируя церковной стороны въ томъ движеніи, изъ котораго возникъ расколъ, онъ проводитъ лишь ту мысль, что расколъ старообрядства по своему происхожденію не *только* церковное, но и гражданско-соціальное явленіе, имѣющее свой корень и причину, кромѣ русскаго невѣжества и церковныхъ нестроеній, въ оппозиціонныхъ социально-демократическихъ стремленіяхъ низшаго духовенства и народа. Но въ другомъ, болѣе позднемъ своемъ сочиненіи („Земство и расколъ“, СПб. 1862) онъ уже съ полною рѣшительностію высказываетъ взглядъ на русскій расколъ, какъ на протестъ податнаго земства противъ устроиваемаго по иноземному образцу, на переکورъ старорусскимъ преданіямъ, государственнаго

¹⁾ Андреевъ В. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи, стр. 1. СПб. 1870.

²⁾ Тамъ же, стр. 9 и 10.

порядка и противъ тяжести лежавшихъ на земствѣ государственныхъ податей и повинностей. Послѣ смутнаго времени, пронесшагося разрушительною грозою надъ русской землей, послѣдняя находилась въ состояніи крайняго гражданскаго и экономическаго неурстройства. Государевы служилые люди, воеводы и приказные взяточничали и тѣснили народъ; „волокита“ царствовала въ судахъ; платежи и повинности денежные и натуральныя все увеличивались; жестокіе „правежи“ были средствомъ выбивать недоимки и взятки; торговля и промыслы были стѣснены; отъ невыносимаго давленія всѣхъ этихъ условій тяглые люди брели „врознь“, искали новыхъ мѣстъ и свободы отъ тягостей, налагаемыхъ государствомъ. Народное недовольство росло и выражалось въ массѣ челобитныхъ; въ общинно-областныхъ челобитьяхъ народъ высказывалъ первому, всю землю выбранному царю новой династіи „всю свою правду, всѣ вопросы жизни, даль всѣ жизненно-народныя, общинно-областные матеріалы для земскаго строенія, для реформъ. Но при преемникѣ Михайла Ѳеодоровича характеръ отношеній между земствомъ и государственною властью круто измѣняется. „Тишайшій“ царь Алексѣй отказался дать запись, какая учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 г. „Вмѣсто земскаго строенія въ духѣ народномъ, по волѣ, по общинно-областнымъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михайловичъ всякія дѣла, великія и малыя—по словамъ Котошихина—по своей мысли учинялъ, какъ хотѣлъ; первый, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ, московскихъ государей, сталъ вводить, какъ тогда говорили, иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки, нѣмецкіе чины иночиновны, нѣмцевъ и прочіе языки, яко благодѣтелей, принималъ и честью великою почиталъ. Это учиненіе по мысли и волѣ царя Алексѣя Михайловича, безъ совѣта съ земскими думными людьми, вопреки естественнo-историческимъ (?), жизненно-народнымъ, изстариннымъ началамъ земскаго строенія,—это учиненіе чиновъ и судовъ и обычаевъ иночиновныхъ, нѣмецкихъ, сильно возмущало земскихъ людей“ ¹⁾). Жалобы народа на новые порядки оставались безъ послѣдствій. „И вотъ, вслѣдствіе разъ-

¹⁾ Щаповъ. Земство и расколъ, стр. 22—23.

единенія, раздѣленія государева и земскаго дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устройства—въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII столѣтія. Весьма многіе земскіе люди съ этого времени часто государеву указу и повелѣнію учинялись противны и, преступая его крестное государево цѣлованіе, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали... А тамъ, далѣе, уже глухо слышалось страшное слово: „Антихристъ¹⁾! Первые бунты недовольнаго земства были подавлены, но народное недовольство находитъ себѣ новый путь, новый способъ выраженія: въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ возникаетъ первый толкъ, первое согласье раскола. „Никто тогда не думалъ, не гадалъ,—говоритъ Шаповъ—что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія всѣхъ бывшихъ дотолѣ и будущихъ разрозненныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній въ одно общее *оппозиціонное согласіе недовольнаго земства*, для обобщенія всѣхъ неудовлетворенныхъ челобитенныхъ воплей, желаній, стремленій, недовольствъ, антипатій, протестацій и вѣровацій массы народной въ одну оппозиціонную общинно-согласную, церковно—и—гражданско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ только на разные частныя толки и согласія. Тогда многіе недовольны были только тѣмъ, что, напр., Никонъ исправилъ по *греческимъ* церковнымъ книгамъ своеобразныя великорусскія мѣстно-областныя разногласія, особенности въ славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ. Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старинное великорусское земское строеніе—иноземное, нѣмецкое учиненіе, нѣмецкіе обычаи и чины. Но никто тогда не зналъ, что съ тѣхъ поръ, со времени п. Никона и царя Алексѣя Михайловича,

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

расколъ будетъ вѣковымъ отрицаньемъ (церкви) греко-восточной, никоніанской и государства, или Имперіи Всероссийской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія государева и земскаго дѣла расколъ возьметъ на себя земское дѣло продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо государева дѣла, великорусское земское строеніе новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды“¹⁾. „Расколъ все недовольство народное, все горе злочастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласья, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живую, неумирающую, вѣковую оппозицію раскола“²⁾. Взглядъ Щапова, явившійся весьма кстати въ эпоху правительственныхъ мѣропріятій и литературныхъ толковъ относительно земства, нашелъ себѣ не мало сторонниковъ среди свѣтскихъ писателей о расколѣ и доведенъ до крайности Андреевымъ въ его вышеназванномъ изслѣдованіи. По мнѣнію г. Андреева, религіозная сторона въ расколѣ не имѣла самостоятельнаго значенія съ самаго начала и тѣмъ болѣе не имѣетъ его впослѣдствіи: религіозное разномысліе и церковно-обрядовыя особенности—это, какъ замѣчено выше, только внѣшній предлогъ, только болѣе понятный для толпы лозунгъ земскаго, народнаго протеста. „Окончательное объединеніе Россіи въ гражданскомъ и церковно-административномъ отношеніяхъ, неладившее съ мѣстными особенностями и порядками, еще сильно державшимися на окраинахъ государства и въ особенности на новгородскомъ сѣверѣ, вмѣстѣ съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершеною окончательнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ,—вотъ гдѣ надобно видѣть источникъ раскола“³⁾. До тѣхъ поръ, пока различныя русскія „земли“—области сохраняли свою самостоятельность, между ними могла существовать, не вызывая противодѣйствія, нѣкоторая рознь, особенность въ различныхъ сторонахъ народнаго быта, и въ частности въ области религіозно-

¹⁾ Тамъ же, стр. 28—30.

²⁾ Тамъ же, стр. 58.

³⁾ *Андреевъ*, цит. соч., стр. 10.

церковной. Утвержденіе единодержавія, вмѣстѣ съ развитіемъ централизаціи, имѣло своимъ естественнымъ слѣдствіемъ пробужденіе въ государственной власти стремленія подвести бытовыя условія народа подъ одинаковыя формы. „Что прежде было *особенностью*, то теперь становилось *отступленіемъ отъ нормы*, выдѣленіемъ изъ общаго правила. *Мѣстное отличие теперь мало по малу превращается въ расколъ*. Разнодержавіе допускало разномысліе по церковнымъ и гражданскимъ вопросамъ, единодержавіе вводило единеніе и однообразіе, и мѣстная особенность, если она не уступала выработаннымъ въ правительственномъ центрѣ формуламъ, дѣлалась уклоненіемъ отъ нихъ, расколомъ“¹⁾). Итакъ, расколъ въ своемъ происхожденіи есть не религіозный, а земскій протестъ, — защита мѣстныхъ, областныхъ правъ и преданій противъ централизаціонныхъ стремленій московской власти. Въ своемъ историческомъ развитіи расколъ, по взгляду г. Андреева, борется не за старину, а противъ способа введенія новыхъ порядковъ безъ спроса земства, при чемъ, какъ протестъ, онъ въ разное время принимаетъ различный характеръ, обусловливаемый каждый разъ слабыми сторонами въ порядкѣ государственнаго управленія²⁾). Къ этой же группѣ изслѣдователей русскаго раскола принадлежатъ г. Юзовъ (Русскіе диссиденты. — Старовѣры и духовные христіане. СПб. 1881), Пругавинъ (Значеніе сектантства въ русской народной жизни. Русск. Мысль 1881, кн. 1, стр. 301—363), Харламовъ (Причины появленія раскола. Страна, 1880, № 53). При нѣкоторомъ различіи въ подробностяхъ общее у всѣхъ названныхъ изслѣдователей этой группы — то, что расколъ понимается, какъ явленіе не столько религіозной, сколько соціальной

¹⁾ Тамъ же, стр. 7.

²⁾ Такъ, въ начальную эпоху своего существованія, въ эпоху религіозныхъ гоненій расколъ является съ церковнымъ отгѣнкомъ; при Петрѣ I политическихъ гоненіяхъ — съ отгѣнкомъ политическимъ; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа и благодаря остающемуся крѣпостному праву, расколъ принимаетъ отгѣнокъ соціально-экономическій. Такъ образ., въ исторіи раскола выдѣляются три періода, изъ которыхъ въ первомъ онъ имѣетъ форму церковнаго протеста, во второмъ — форму политической партіи и въ третьемъ — форму экономической, промышленной и торговой общины. (Андреевъ, цит. соч., стр. V—VI).

жизни русскаго народа,—какъ протестъ земства, народныхъ массъ противъ государственной власти въ защиту своей самобытности и своихъ правъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что уже въ очень раннюю пору исторіи старообрядческаго раскола—въ эпоху стрѣльцкихъ бунтовъ и петровскихъ преобразованій религиозный протестъ въ немъ весьма тѣсно переплетается съ протестомъ политическимъ и социальнымъ, и расколъ заявляетъ себя борьбою не только съ православною церковію, но и съ ставшимъ на ея сторону государствомъ. Это, однако, вовсе еще не даетъ права утверждать, что все содержаніе раскола исчерпывается социальной борьбой, и что религиозная сторона не имѣетъ въ немъ самостоятельнаго значенія, а является только прикрытіемъ политической и социальной борьбы. Прежде всего, довольно трудно понять, для чего могла бы понадобиться такая маскировка и какія преимущества для земскаго и социального протеста могли происходить оттого, что онъ ставилъ себя подъ знамя сугубой аллилуйи и подводилъ подъ тяжесть церковной анафемы. Общія фразы относительно большей понятности церковно-обрядовыхъ предписаній, какъ „лозунга“ народнаго протеста, въ настоящемъ случаѣ весьма мало разъясняютъ дѣло и не устраняютъ возникающихъ недоумѣній ¹⁾. Затѣмъ—и это самое главное—какъ ни рано заявляетъ себя въ расколѣ политическій и социальный элементъ, онъ все-таки есть явленіе не изначальное, а ужъ дальнѣйшее осложненіе. Достаточно просмотрѣть сочиненія первыхъ расколуучителей—Аввакума, Федора, Никиты и др., чтобы убѣдиться, что въ основѣ старообрядческаго движенія на первыхъ порахъ лежитъ исключительно религиозно-церковный интересъ. А если догматико-полемицескіе трактаты и посланія

¹⁾ Г. Андреевъ въ своей книгѣ даетъ еще и такое разъясненіе: „Едва ли можно сомнѣваться,—говоритъ онъ—что политическій расколъ, расколъ земскій долженъ былъ принять въ Россіи характеръ преимущественно религиозный при томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ церковь въ жизни русскаго человѣка“ (цит. соч. стр. 77). Но религиозный характеръ протеста, *необходимо* обусловленный свойствами русскаго народа и его жизни, есть уже нѣчто совѣмъ иное, чѣмъ произвольная маскировка политическаго протеста „второстепенными подробностями религиознаго догматизма и церковной обрядности“.

первыхъ вождей раскола могутъ быть сочтены за выраженіе только единоличныхъ мнѣній, то этого ужь никакъ нельзя сказать о сочиненіяхъ коллективнаго характера—челобитныхъ, которыя служатъ выраженіемъ общихъ нуждъ, интересовъ и желаній раскольниковъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ челобитныхъ и т. под. сочиненій таково: до Никона на Руси православіе было чисто и непорочно и церковь немятежна; Никонъ искажилъ вѣру и законы церковныя, внесъ многія ереси въ новопечатныя книги; православнымъ не должно слушаться его новыхъ ученій; нужно отвергнуть еретическія новшества и сохранить древле-преданное отцами благочестіе чисто и неповрежденно, и т. д. Протестъ, такимъ образомъ, заявляется исключительно противъ церковныхъ мѣропріятій въ области богослужебнаго обряда ¹⁾ и идетъ преимущественно отъ духовенства бѣлаго и чернаго, т. е. отъ такихъ лицъ, для которыхъ чисто-земскіе интересы были дѣломъ довольно постороннимъ; въ движеніи принимаютъ также дѣятельное участіе женщины, стоявшія въ то время гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, отъ земскихъ и политическихъ дѣлъ. Наконецъ, противъ пониманія раскола, въ первое время его существованія, какъ протеста противъ *государственной* власти, самымъ рѣшительнымъ образомъ говорить то, что именно къ государственной власти, къ царю Алексѣю Михайловичу обращаются первые расколуучители за содѣйствіемъ—съ жалобами на п. Никона и съ просьбами о его удаленіи ²⁾. Даже и послѣ

¹⁾ Самъ г. Андреевъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 119) отмѣчаетъ такую особенность раскола на сѣверѣ и въ Москвѣ: „Въ новгородскомъ поморьѣ церковныя перемѣны были скорѣе только предлогомъ, чтобы уклониться отъ церкви, и религіозные вопросы служили нерѣдко лишь завѣсою политической оппозиціи. *Въ Москвѣ въ религіозномъ преніи многіе видѣли суть дѣла*; уклонялись отъ церкви и ея духовныхъ властей, потому что боялись за свои души, были увѣрены, что не наследуютъ царствія Божія, если примутъ еретическія нововведенія“. Итакъ, прежнее общее утвержденіе нашего автора утрачиваетъ здѣсь свой рѣшительный характеръ. Если же при этомъ обратить вниманіе на то, что именно на Москвѣ, а не въ новгородскомъ поморьи впервые появился расколъ, то необходимость искать его сущности и причинъ въ условіяхъ религіозной жизни русскаго народа, а не политической, даже съ точки зрѣнія нашего автора станетъ вполне очевидна.

²⁾ См. напр. „Всенародное прошеніе къ царю“ (Матер. VII, 44—53) и мн. др.

того, какъ государственная власть рѣшительно и открыто стала на сторону исправленій и начала подвергать защитниковъ этихъ исправленій различнымъ преслѣдованіямъ, раскольники не сразу возстаютъ противъ этой преслѣдующей ихъ власти. „Елико ты насъ оскорбляешь болши, и мучишь и томишь, толико мы тебя болше любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ кланущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати къ истинѣ своей“—писаль Аввакумъ царю Алексѣю Михайловичу ¹⁾). Заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто изъ челобитной соловецкихъ старцевъ, ярко обрисовывающее характеръ отношеній раскола, въ первое время его существованія, къ государственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающее, что собственно хотѣли защитить раскольники: „Молимъ твою, великаго государя, благочестивую державу и плачемся вси со слезами,—писали старцы—помилуй насъ, нищихъ своихъ богомольцевъ и сиротъ, не вели, государь, у насъ преданія и чину преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія перемѣнить, повели, государь, намъ быти въ той же нашей самой вѣрѣ, въ которой отецъ твой государевъ и вси благовѣрные цари и великіе князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима, и Саватей, и Германъ, и Филиппъ митрополить и вси святіи отцы угодили Богу. Аще ли ты, великій государь нашъ, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданнѣй, въ старой вѣрѣ быти не благоволишь, и книги перемѣнити изволишь, милости у тебя государя просимъ: помилуй насъ, не вели, государь, болши того къ намъ учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры перемѣнить, и вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царьской, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе; *а мы тебѣ, великому государю, не противны*; ей, государь, отъ всея души у тебя, великаго государя, милости о семъ просимъ и вси съ покаяніемъ и съ воспріятіемъ на себя великаго ангельскаго чину на той смертнѣй часъ готовы“ ²⁾). Такъ, очевидно,

¹⁾ Матеріалы для ист. раск., т. V, стр. 148.

²⁾ Матер. т. III, стр. 210—211.

могутъ писать только люди крѣпко преданные религіознымъ преданіямъ, если угодно—фанатики стараго церковнаго обряда, но во всякомъ случаѣ не государственные мятежники, поднимающіе знамя возстанія противъ царской власти, хотя бы и подъ прикрытіемъ религіозныхъ интересовъ.—Если же, такимъ образомъ, расколъ старообрядства въ эпоху своего возникновенія и въ первое время своего существованія представляетъ исключительно религіозно-церковное движеніе, желающее при томъ же стать подъ защиту государственной власти, то видѣть его сущность въ земскомъ протестѣ противъ государства, а его причину—въ явленіяхъ политической и соціальной жизни русскаго народа значить возставать противъ очевидности и выдавать послѣдующее и случайное за первоначальное и существенное ¹⁾).

Итакъ, дѣло книжныхъ и обрядовыхъ исправленій нельзя признать ни самодовлѣющей причиной старообрядческаго раскола, ни случайнымъ внѣшнимъ предлогомъ, скрывавшимъ за собою другія, болѣе глубокія, но не религіозныя, а земскія и политическія причины протеста. Гдѣ же и въ чемъ заключается дѣйствительная основа раскола? Что побудило русскихъ людей разнаго чина и званія выступить съ рѣши-

¹⁾ Справедливость требуетъ, впрочемъ, признать, что первоначальный расколъ былъ чуждъ соціально-демократическаго, противогосударственнаго элемента собственно какъ доктрина, какъ ученіе; но если смотрѣть на расколъ, какъ на партію людей, то въ ней съ самаго начала развивается недовольство свѣтскою властью, ставшею на сторону исправленій. „Кто бы могъ рещи таковыя хульныя глаголы на (древне-русскихъ) святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти?“—жаловался Аввакумъ царю Алексѣю Михайловичу по поводу отзывовъ „никоніанъ“ о древнерусскомъ благочестіи (Матер. для ист. раск., т. V, стр. 144). Первоначально раскольники надѣялись, что государственная власть станетъ на ихъ сторону въ борьбѣ противъ исправленій; обманутыя ожиданія естественно порождали недовольство государственною властію, а послѣдующія событія послужили еще новыми причинами такого недовольства. Потерявши послѣднюю опору своихъ надеждъ и убѣдившись, что свѣтская власть всецѣло стала на сторону преобразованій, раскольники начинаютъ и нѣтъ видѣть причину непрекращающихся *церковныхъ* нестроеній; „иного отступленія—говорили они—уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь: злѣ бо и отъ сего часа на горшая происходитъ будетъ *царьми неблагочестивыми*“. Но очевидно, что причины недовольства даже свѣтскою властію были не земско-соціальныя, а церковно-религіозныя.

тельною оппозиціею противъ исправленій, предпринятыхъ Никономъ, и начать роковую борьбу противъ него за неизмѣнность существующихъ церковныхъ обрядовъ и книгъ?— Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо пристальнѣе всмотрѣться въ основные интересы духовной жизни русскаго народа наканунѣ и въ эпоху появленія раскола.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Громогласовъ.
